

Философия, свобода, политика

Хотя я выступаю не с докладом, а с вступительным словом, мне тем не менее не хотелось бы выглядеть этаким «свадебным генералом», и я позволю предоставить вам свое раздумье на тему, которая очень актуальна сегодня, всегда будет актуальна в нашей стране и, безусловно, имеет самое прямое отношение к теме конференции. Речь пойдет о понимании свободы и возможности ее политической реализации.

Банальным является утверждение, что свобода человека подразумевает свободу его политического существования. Именно поэтому тирания и тоталитаризм, как показали уже философы античности, несовместимы с человеческим достоинством. В обществе должны быть и свобода политического волеизлияния, и свобода слова, и экономические свободы. Однако здесь следует развеять ряд устойчивых мифологем.

Вопреки обывательской точке зрения, демократические свободы вовсе не сводятся к свободе слова и к свободе опускания в урну бюллетеней для голосования за кандидатов. Сегодня возобладала цивилизационная парадигма, открывающая дорогу монопольному присвоению понятий «демократия», «свобода», «гражданское общество». Но подлинное народовластие и, соответственно, политическая свобода подразумевают не «присвоение понятий», а куда более серьезные, если хотите, философские основания.

Прежде всего, политическая свобода неотделима от социальной правды, а несведущий (или, тем более, обманутый) человек не может совершить истинного политического выбора. Обманутые люди, ставшие объектом манипуляции, не могут привести ту или иную страну к истинной цели ее развития. Следовательно, условием действительной свободы в политике является общедоступная информация о тех лицах, которые становятся действующими политиками, и о реальном положении дел в стране. Эта цель, до которой нам еще очень далеко. Управлять обществом должны свободные, ответственные и умные люди, а не властолюбцы и карьеристы. Итак, условием подлинной политической свободы является постоянный и действенный контроль за избранными лицами со стороны общества. Увы, эти формальные требования подлинно свободного государст-

венно-политического устройства не выполняется в полном объеме в современных демократиях, в том числе и западных.

Этот тезис, может быть, покажется кому-то странным, но я стараюсь его обосновать. Сегодня в мире идут мощнейшие процессы глобализации, которые оказывают существенное влияние на все стороны жизни общества, отдельного человека, на структурообразующие компоненты культуры. Мировой финансовый и экономический кризис, масштабы которого стали неожиданностью для многих, показал, какую опасность несут в себе эти процессы. Анализируя любой процесс развития с позиций философии, мы должны понимать, что развитие всегда реализуется как борьба противоположных сторон или тенденций. Например, глобализация подталкивает мир к процессам интеграционного типа, но при этом не всегда понимается, что она может носить не только синтетический характер, основанный на соединении положительных компонентов систем, но и представлять собой тип интеграции, подавляющий особенности систем. Если одной стороной глобализации выступают интеграционные процессы, то оборотной стороной – процессы дезинтеграции, в частности, процессы «национальной дезинтеграции»¹.

Одним из важнейших следствий глобализации служит расширение информационного пространства, коммуникации в целом, что иногда выглядит, особенно для обывателя, как почти полная информационная свобода. Здесь, как правило, понятие свободы подменяется понятием доступности к информации, без осознания возможности новейших технических мультимедийных средств, позволяющих ею манипулировать. В результате оказывается влияние на сознание человека, которому лишь кажется, что это свободная информация (пример – освещение военного конфликта с Грузией). Особенное воздействие такая система оказывает на современную молодежь – на людей, родившихся уже в пространстве глобальной коммуникации, имеющих привычку поглощать информацию, видимость объективности которой может достигать высочайшей степени совершенства.

Глобализация несет массу положительных моментов, связанных с увеличением комфортных условий существования для индивида, прежде всего в его обыденной жизни, от чего очень трудно, а для большинства, в принципе, невозможно отказаться. А следствия по-

¹ См.: *Панарин А.С.* Глобализация как вызов жизненному миру // Вестник Российской Академии наук. 2004. Т. 74. № 7.

гружения человека в пространство глобальной коммуникации далеко не всегда позитивны. Еще Бердяев предупреждал, что такого рода процессы могут привести к уничтожению, например, индивидуального характера творчества. Самовыражение личности, осуществляясь в определенных рамках, начинает подчиняться неким стереотипам, общность которых может носить как случайный характер, так и детерминироваться эталонами той культуры, которая преуспела в области коммуникации и имеет возможность их всемерного распространения. Бердяев, как и многие другие мыслители, предвидевшие последствия распространения средств массовой коммуникации, оказался прав: реализуется процесс тиражирования культурных ценностей в их вышеопределенной зависимости, происходит привыкание к ним, а тем, что привычно, невозможно восхищаться. Все это *разрушает эмоциональное переживание и, как следствие, сострадание*, что всегда было признаком традиционной культуры. Вряд ли мы увидим сегодня человека, плачущего над произведением искусства, а для традиционной культуры это была почти норма. «Старая культура была опасна для человеческого тела, она оставляла его в небрежении, часто изнеживала и расслабляла. Машинная, техническая цивилизация опасна, прежде всего, для души»². И, наконец, человек перестает размышлять о ценности своего собственного существования как о высшей ценности. Подчиняя мир, человек не осознает, что на самом деле он подчиняет мир технике, выступая всего лишь средством такого подчинения. «Природа будет покорена технике. Новая действительность, созданная техникой, останется в космической жизни. Но человека не будет, не будет органической жизни... Исключительная власть технизации и машинизации влечет именно к этому пределу, к небытию в техническом совершенстве»³.

Мир сегодня представляет собой систему все более манипулируемых социальных и политических систем, которые адекватно вписываются в процессы глобализации. В свою очередь это оказывает все более существенное влияние на все стороны жизни общества, отдельного человека, на структурообразующие компоненты всей системы культуры. Глобализация, нравится нам или нет, усиливает роль транснациональных взаимодействий в мире, расширяет масштабы коммуникации. Комфорт и удобство, связанные с признани-

² Бердяев Н.А. Человек и машина // Вопросы философии. 1989. № 2. С. 156.

³ Там же. С. 157.

ем объективности данного процесса, позволяли делать вывод, что он представляет собой нечто сугубо позитивное. Только сегодня, в связи с экономическим кризисом, стало очевидным, что глобализация, как и связанная с ней виртуализация общественной жизни, опирающаяся на имитацию реальной деятельности, будь то производство, финансы или политика, таят в себе сокрушительные для общества опасности. Общество уже подготовлено сегодня к виртуальному управлению, в котором личность даже реального человека, осуществляющего властные функции, будет представлять собой реализацию идей и планов некоего коллективного сознания, если хотите, властной корпорации. Многие исследователи в этой связи предупреждают, что современная цивилизация, разрушая классическую систему мира как совокупности суверенно замкнутых государств, порождает механизмы наднационального управления миром, формируя фактически новую Глобальную Империю⁴.

(Апробирование типа интеграции, основанного не на соединении, а на подчинении, можно проиллюстрировать на примере политики и, в частности, процесса так называемого объединения Германии⁵, где был реализован такой тип синтеза двух систем, который я обозначаю как «*интеграция – захват*». Реально произошло не объединение двух стран как некий синтез, интеграция лучших качеств обеих социальных систем, а подчинение одной системы (которая была определена как «плохая») – другой (которая позиционировалась как передовая). Вместо «догоняющей» модернизации мир получил «подражательную», которую позже навязали и России. Но это отдельный вопрос.)

Следовательно, по отношению к некоторым демократическим процедурам все это приводит к тому, что информированность населения во многом задается и контролируется СМИ, все в более беззастенчивой форме манипулирующими сознанием. Возможность баллотироваться на государственные посты в подавляющем числе случаев определяются не умом и талантами, и уж совсем не нравственным уровнем политика. Контроль снизу за государственными органами и избранными депутатами остается во многом благим пожеланием, ибо всегда может быть блокирован бюрократической анонимностью принимаемых решений, ссылками на профессио-

⁴ См.: Хардт М., Негри А. Империя. М., 2004.

⁵ См.: Россия и Германия: опыт трансформаций. М., 2004.

нальную некомпетентность проверяющих лиц или соображениями национальной безопасности. Думается, что утверждение подлинных демократических политических свобод – это дело будущего.

Если даже все требования политической демократической свободы в обществе будут соблюдены, то свои права реализуют живые люди. Поэтому если не выполняются перечисленные выше – моральные, познавательные и личностные – требования к свободному человеческому поведению, то никакие (даже самые совершенные) условия для свободного политического выбора не избавят сознание от ложного выбора и целей, и путей развития государства. Сознанием всегда и умело манипулируют, его купят или же ему лукаво польстят.

Гегель когда-то дал очень емкое понятие демократии античной Греции, обозначив ее как *политическое художественное произведение*. Этим он хотел показать, что данная форма политической организации общества есть синтез субъективного и объективного художественного произведения. И в Греции, при всей эгалитарности данной формы демократии, была реализована действительно уникальная для того времени форма политического правления, и лишь она могла объединить в единое образование субъективное и объективное в развитии человека и самосознания общества. Именно демократия создала предпосылки для свободы индивидуума, которая не зависела в такой степени от государства, как в восточных деспотиях. Не государство определяло индивидуальность греков, но, напротив, индивидуальность греков определяла общие свойства греческого государства⁶. Основой демократии была добродетель, основанная на государственном праве, выражающем всеобщий интерес.

И именно демократическое устройство государства, максимально реализующее степень внутренней и внешней свободы человека, стало главным условием *возникновения философии*. Гегель, высочайшим образом оценивая значение древнегреческой философии, связывал это с тем, что философия вообще есть принципиально свободное мышление, которое не может быть реализовано без соответствующих политических предпосылок. Она возникает как форма свободного мышления, а условием свободного мышления должна быть практическая (при всей ее относительности) свобода мыслящего человека. «Вследствие этой общей связи политической свободы со свободой мысли философия выступает в истории лишь там и постольку, где и

⁶ Гегель Г.В.Ф. Философия истории. СПб., 1993. С. 277.

поскольку образуется свободный государственный строй»⁷. Это еще ограниченная свобода, это предпосылка для развития философии как неуклонного процесса самореализации и самопознания абсолютного духа. Человек может себя полностью реализовать в условиях свободы, а свобода обеспечивает рост его самосознания и сопряженной с этим ответственности. Поэтому философия развивается как нарастание самой степени свободы человеческого мышления и как рост самосознания человечества в целом.

Следовательно, не может быть политически свободного общества, как бы не декларировалось это властью, если населяющие его граждане внутренне не свободны. Иначе говоря, *политическая свобода является гарантом свободного человеческого бытия, а свободное человеческое бытие и просвещенное сознание – гарантом подлинной политической свободы*. Поэтому, прежде чем ставить задачу борьбы за демократические ценности, их следует правильно понимать. В этом смысле, как бы парадоксально это ни казалось, свободно мыслящим и действующим может быть и человек в так называемом тоталитарном обществе, а номинально свободный «демократический» человек может отличаться самой что ни на есть рабской психологией. И вот такую задачу политического и теоретического просвещения должна, на мой взгляд, реализовывать университетская политология, дабы не превратиться в систему политических технологий, которые очень удобны власти и самим политтехнологам, но далеко отстоят от интересов и государства, и человека.

Таким образом, можно дать общефилософское определение свободы. *Свобода есть рациональное и ответственное отрицание былой целесообразности во имя общественно значимых, продуманных и исторически оправданных целей, осуществляемое в соответствии с внутренним самоопределением личности в условиях подлинного политического народовластия*. С таким пониманием свободы не имеют ничего общего не только тоталитарные, но и олигархические политико-правовые режимы. Несовместимость олигархии со свободой и моралью в обществе прекрасно понимал еще великий Платон, писавший в диалоге «Государство»: «Разве не в таком соотношении находятся богатство и добродетель, что положи их на разные чаши весов, и одно всегда будет перевешивать другое? – Конечно».

⁷ Гегель. Г.В.Ф. Лекции по истории философии. Книга первая. М., 1993. С. 143–144.

В связи с этим не могу не сказать о науке, которую у нас называют политология. Любая наука, в том числе и общественная, будь то политическая или социологическая теория, должна представлять собою систему идеализированных объектов. Наверное, нет необходимости в этой аудитории разъяснять, что без системы идеализированных объектов, когда ученый отвлекается от несущественных для исследуемого объекта свойств и абсолютизирует существенные, тем самым превращая объект исследования в предмет своей науки, наука не состоится. И это вовсе не означает отрыва от реальности. Идеальная машина Карно со стопроцентным КПД или идеальная машина Тьюринга с бесконечной памятью, конструировались мышлением не для достижения этих невыполнимых параметров, а для того, чтобы выявить законы в чистом виде. А далее реальная практика их должна скорректировать. Говоря методологическим языком, идеализированные объекты теории должны в определенном смысле быть снятыми практикой. Поэтому признаком развитой научной политической теории должна быть система идеализированных объектов. Нам надо задуматься над тем, насколько современная политология, особенно российская, выступает как наука. Призывы заниматься конкретными проблемами, говорящие нам, что не надо строить абстрактных систем, на самом деле, если хотите, методологически не столь безобидны, ибо толкают нас в пучину спонтанных технологических решений без попытки их научного осмысления, когда истина фактически подменяется имитацией деятельности. Поэтому если мы хотим рассматривать политику как объект науки и, в частности, политологии, то должны изучать законы, по которым развивается политика. Тогда наши рекомендации не будут носить, как это часто бывает, комплиментарный характер. Ведь политологи, исследуя объективные законы, так же объективно могут обосновывать выводы, которые, например, вступают в противоречие с реальной политикой. И политологов за это нельзя упрекать именно политикам, как нельзя упрекать математика, когда он говорит нерадивому ученику, что дважды два четыре, а тот просто не хочет учить таблицу умножения. Политология, как я говорил в одном из своих интервью, и многим это тогда не понравилась, не царедворческая наука, хотя, к сожалению, ее трактуют именно так, и для многих политологов это становится очень комфортным способом существования.